

А
Оригинал здесь - <http://www.rulex.ru/01020153.htm>

Бобров, Семен Сергеевич, - стихотворец (родился, вероятно, в конце 1760-х годов, умер в 1810 г.). Учился в Московском университете; был переводчиком в государственной адмиралтейств-коллегии и состоял в комиссии о составлении законов. Печататься Бобров начал с 1784 г. Судя по эпиграммам его литературных противников, вызывавших его Бибрисом, Бобров был алкоголик. Этими эпиграмматическими отзывами (кн. П.А. Вяземского, Батюшкова и Пушкина, называвшего его "тяжелым Бибрусом") имя Боброва спасено от забвения. Это был писатель действительно тяжелый, о чем дают достаточное понятие самые названия его огромных книг, например, "Рассвет полночи, или Созерцание славы, торжества и мудрости порфириносных, браненосных и мирных гениев России, с исследованием дидактических, эротических и других разного рода в стихах и прозе опытов". Кроме больших поэм ("Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонесе", упомянутый "Рассвет полночи", "Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец"), Бобров писал и переводил оды, морально-дидактические сочинения; английской литературой он заинтересовался один из первых в России. Он был мистик, но мистицизм его был светлый и гуманный; мистическое чувство питалось в нем масонской практикой и литературой, развившими в нем любовь к символизации, в которой он доходил до чудовищных преувеличений и крайностей. Поэтического дарования в нем не было, и недаром задолго до Вяземского, Батюшкова и Пушкина над ним издевались Сумароков, пародировавший его манеру (в "Оде в громко-нежно-нелепо-новом вкусе"), и Радищев, с насмешкой упоминающий о нем в своей поэме "Бова". Но современники не сумели оценить в Боброве литературного теоретика с твердыми и даже прозорливыми взглядами. В те времена, когда литература была еще так молода, Бобров почувствовал, как тяжела борьба между замыслом и словесным воплощением. "Язык легок, но сколь обманчив! - писал он. - "Вещь, проходя чрез слух, нередко теряет правоту свою", и смело создавал неологизмы, объясняя: "Обыкновенные и ветхие имена, кажется, не придали бы слову той силы и крепости, каковую свежие, смелые и как бы с патриотическим старанием изобретенные имена". Из множества изобретенных им слов, большей частью неуклюже-сложных и безвкусных, некоторые, однако, вошли в обиходную и литературную речь; особенно охотно пользовался он славянизмами, что привлекло к нему симпатии А.С. Шишкова и сделало его посмешищем карамзинистов. Он утверждал, что "рифма никогда еще не должна составлять существенной музыки в стихах", и что она, "часто служа будто некоторым отводом прекраснейших чувствований и изящнейших мыслей, почти всегда убивает душу сочинения", если автор делает ей лишние уступки. Задолго до Бенедиктова, Бальмонта и символистов конца XIX в. Бобров ощущал тоску по "неслышанным звукам" и "неведомом языке" и первый заговорил о красоте белого стиха. Русская поэзия не может отвести ему никакого места, но в истории литературной теории и версификации его заслуги неоспоримы. - Биографические и библиографические сведения о Боброве см. у В.И. Саитова (сочинения К.Н. Батюшкова, изд. Л. Майкова, II, 536 - 538), в ст. М. Мазаева ("Критико-биографический словарь русских писателей и ученых" С.А. Венгерова, IV, 57 - 65) и у С. Венгерова ("Источники словаря русских писателей", т. I).

А